

«Слишком много на свете сирот...»

Отчизны нашей кольца годовые

ШЕСТЬ ЛЕТ НАЗАД после тяжелой и продолжительной болезни ушел от нас талантливый поэт-магнитогорец Владимир Чурилин.

При жизни ему не удалось издать ни одной книги, хотя публиковался он много в периодических изданиях, коллективных сборниках и центральной прессе. После смерти поэта родные, близкие и коллеги помогли издать объемный том его произведений «Слишком медленно движется время». Сегодня мы предлагаем подборку его стихотворений.

Владимир ЧУРИЛИН
(1955–2003)

Чужбина

Березы стоят у моста –
Мне это знакомо до боли,
Но это – не наши места,
Но это – не русское поле.
Бушует февральский мороз,
Снег выпал свержающей пробы,
Мне это знакомо до слез,
Но это – не наши сугробы...
Иду по знакомой земле,
Знакомые лица встречаю,
Но чайник стоит на столе
С чужим отвратительным чаем.
Приходит чужая весна,
Чужое горячее лето.
Какая чужая страна...
Какая родная планета!

Хлеб

Коровы, не привыкшие к ярму,
упрямились и борозду ломали.
И резал плуг неровную кайму
вдоль поля
между хмурыми холмами.
И налегала женщина на плуг
из всех еще оставшихся силенок...
За кругом – круг...
И снова тяжкий круг...
Не отвести с лица волос соленых.
В глазах плывут горячие круги,
и под глазами вышли полукружья,
и тяжелы последние шаги,
шершавы руки, поступь неуклюжа.
За кругом – круг...
Земля везде круглая,
и женщины повсюду –
как в России,
но то, что эта вынести смогла,
для мужика – и то невыносимо.
Пусть где-то были близкие враги,
и всполохи, и схватки боевые...
Но здесь –
рождались хлебные круги –
Отчизны нашей кольца годовые.

Навечно в строю

Возле Ревеля, Нарвы и Пскова
восемнадцатый – гарью пропах.
На поверхности моря людского
ходят сивые гребни папах.
Серый снег. На снегу – пулеметы,
котелки на дымящем снегу...
Красной Армии первые роты

выступают навстречу врагу.
И над всем этим
яростным гвалтом,
над февральским
продуктым жнивьем
вырастает фигура солдата –
человека с ружьем...
Вот он встал в полный рост
из окопа,
посреди опаленной зимы,
посреди опаленной Европы,
на границе рассвета и тьмы.
Вот шагнул, задыхаясь от гнева,
защищая Советскую власть,
и заря, обогрившая небо,
красной кровью
на снег пролилась.
И лежит на земле пограничной,
упираясь глазами в закат,
в гимнастерке,
без знаков различий,
самый первый советский солдат.

***
У древнего города Курска,
В суглинок вогнав каблуки,
Всерьез матерились по-русски
Союзных племен штрафники.
Гаддели тревожно и хмуро,
Поняв, что большая война
Оставила им амбразуры,
Отняв за грехи ордена.
И были суровые лица
Сегодня суровы вдвойне...
Вглядитесь: за нами – столица!
И правда – на их стороне!
Впервые, сегодня, навеки!
И каждый из сотен бойцов
Себя ощутил человеком
С обугленным смертью лицом.
И каждый с судьбою смирился,
Вглядевшись в далекий редут.
И ротный со шпалой в петлице
Вздыхнул облегченно: пойдут.
Пойдут! И умрут, и поникнут,
Успев напоследок решить,
Что нынче сумеют погибнуть.
Но завтра – не смогут прожить.

***
Покрашенные оградки,
Расправленные венки...
Здесь холмики – словно грядки,
Разбитые на рядки.
Здесь тетка моя родная
Сказала: «Смотри, племяш.
Здесь – Гуровы, здесь – не знаю...
А этот вот угол – наш.
Здесь наши с тобою предки.
Уйми городскую спесь,
Ведь мы с тобой – только ветки,
А все наши корни – здесь.
Попросит ли враг свирепо,
Протянет ли друг ладонь,
Ты вправе делиться хлебом,
Но этой земли не тронь...
В масштабах родной планеты,
В пределах чужой земли,
Я буду блуждать по свету,
Порой исчезать вдали.
Но где бы я ни был после,
Я вечно пребуду тут –
На этом простом погосте,
Где нас наши предки ждут,
Где тетка в платке печальном
Стоит, словно вечный страж.
Здесь – немцы...
Там – англичане...
А этот вот угол – наш.

***
Острой финкой процарапан
Серый камень у пруда:
«Иванов.
Погиб в 20-м».
Имя.
Дата.
И звезда.

Надевал сапог кирзовый,
Жинка плакала навзрыд.
Царь сказал:
– Мобилизован.
Мир откликнулся:
– Забрит.

...То за «красных»,
То за «белых»,
То пешком, то на коне.
То отважный, то несмелый.
Шел с винтовкой по войне...

И без ненависти всякой,
Возле этого пруда
Шел в обычную атаку
Вот отсюда...
Вон туда...

***
Был на западе красен закат,
Словно вспышка
далекого взрыва...
Поднимался в атаку солдат
Тяжело и совсем некрасиво.
Он бежал, ощущая спиною
Ледяное дыханье планеты,
А солдат был пылинкой одной,
Растворившейся в кубике света.
Мировая – не знала границ,
И по всем закоулкам Вселенной
Мириады таких же частиц
Разносило пургою военной.
А солдат все бежал и бежал,
И не знал, что в пути бесконечном
С каждым шагом себя приближал
К высоте, именуемой Вечность.
Бесконечного мира микрон,
Погибая в пучине пожара,
Всю вселенную выдохнул он
Легким облачком смертного пара.
Задохнулся солдат на бегу,
Но не ставьте креста на солдате...
Разлетаются кудри в снегу,
Словно кольца высоких галактик.

Берлинский вокзал

Бился по ветру красный лоскут,
Провожали и дальних, и близких...
Эшелон уходил под Москву,
А вокзал называли Берлинским.
Видно, вера в победу жила
И дорога казалась недлинной:
Из России, сожженной дотла,
Обещали дойти до Берлина.
И дошли, и распили вино
За победу под знаменем алым...
С той поры позабыли давно
Даже место, где церковь стояла.
Было столько с тех пор перемен,
Пролетели такие метели:
Фотографии сняли со стен,
В сундуках похоронки истлели,
Отшумел на ветру краснотал,
Поднялись над землей обелиски...
Но в народе уральский вокзал,
Как тогда, называют Берлинским.

Солдат

День поставил его над собой,
В облака устремив пьедесталы.
Он стоит,
Как Победа, большой,
Неподкупный,
Живой
И усталый.
Он шагнул сквозь кровавый туман,
Чтобы мир стал прозрачным
и синим.
Он прошел через множество стран
И стоит в середине России.
Мертвый камень тепла не хранит,
Но заметили люди когда-то,
Что темнеет на солнце гранит –
Словно слезы текут у солдата.
Гений скульптора в том виноват
Или камни подобраны хитро...
Только плачет советский солдат,
Всем ветрам и народам открытый.
Был солдат этот крепок и смел
И мольбами врачей не тревожил.
Он при жизни заплакать не смел,
После смерти – заплакал и ожил.

Клесты

В январскую лютю
у клестов появляется выводок,
не птицы причуда –
причуда природы самой.
И в этом есть мудрая,

КОЛМАКЪ - ОЛЬГА ГАБРИЛОВА

чисто житейская выгода:
хороший хозяин
телегу готовит зимой.

В то время, как птицы другие
на юг улетели,
на сытых кормах
почивают у южных морей,
в заснеженных гнездах,
в вершинах заснеженных елей
мужают птенцы
под надзором клестих-матерей.

Мужают птенцы,
безбоязненно вьюгу встречая,
на тоненьких лапках
навстречу бурану встают,
суровую жизнь
до конца на себе изучают,
чтоб выжить и жить,
невзирая на скудный уют.

Наступит весна,
а они уже зиму прожили,
что ливни, что град им,
когда они видели лед?
В их маленьких тельцах
стальные клубки сухожилий
готовы исполнить
любой тяжелейший полет.

В январскую лютю
у клестов появляется выводок,
в апреле птенцы
возмужало выходят из гнезд.
А вдруг среди прочих
внезапно окажется выродок,
не хуже других
перенесший пургу и мороз?

Не хилый заморыш,
которого ткну – и загнулса,
а сильная птица,
в которой страстей на двоих,
какая гордится
уверенно бьющимся пульсом,
хватая за горло
собратьев и братьев своих.

Природа мудра,
но нужна ли тут мудрость?
Не поздно ль?
А тень от крыла
над вселенной зловеще кружит.
Клестята уже
покидают уютные гнезда
и в белое небо
привычно кладут виражи.

Они вылетают...
Но есть на земле справедливость.
Природа мудра,
и не надо природу учить.
Их крепкие клювы

еще недостаточно кривы,
и шишек сосновых
они не умеют лущить.

Умеют летать,
но еще не умеют кормиться.
И все-таки, жизнь
на мгновение раньше открыв,
из маленьких гнезд
вылетают могучие птицы,
и воздух гудит
под напором их яростных крыл.

***
Так уходили первые солдаты:
навстречу дыму, горю и врагу,
они шагали зло и виновато
сквозь «Не хочу» и через «Не могу».
В кулак собрав оставшиеся силы,
они шагали, плача и грозя,
и вырастали новые могилы,
и погибали старые друзья.
По всей земле тяжелое сплетенье
дорог и судеб, судеб и дорог...
Когда ослабло мира притяжение,
они ушли на всполохи тревог.
Где шли они –

там грозно встали травы,
на землю пала светлая роса.
О них скорбят нерусские дубравы
и смертно плачут русские леса.
Вдоль всех дорог,
народов и наречий,
сквозь грозных лет
обугленный каркас,
идут сегодня души человечьи
с глазами, провалившимися в нас.

***
Ошалевший от множества встреч,
Растревоживший старые раны,
Он бросал свою гневную речь
С голубого, как небо, экрана.
Он о детях своих говорил,
Не имеющих этого неба:
Ни лугов, ни цветов, ни зари,
Ни свободы, ни счастья, ни хлеба.
Я не понял почти ничего
В чужеземных словах иноверца,
Но далекая правда его
Подступала под самое сердце.
...Отключил телевизор сосед,
Чтоб не грелся его телевизор,
И сошла эта правда на нет
Из-за лениости, зла и каприза.
Слишком много на свете сирот,
О которых не принято слушать.
Пусть лишат меня в жизни всего,
Не мешают лишь

выплеснуть душу:
Только слово – мой меч и броня.
Если жизнь, обернувшись сурово,
Отлучит от высокого слова,
Отлучите от жизни меня.